ОТДЕЛ ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ
Московского Патриархата

Об автокефалии, принятии из раскола и новой экклесиологии Константинопольского Патриархата

Интервью *ректора Киевской духовной академии и семинарии епископа Белогородского Сильвестра порталу «Православная Жизнь». Владыка ответил на многие вопросы, которые волнуют сегодня верующих Украинской Православной Церкви. Также он поделился своим видением ситуации, которая сложилась в мировом Православии в результате вмешательства Константинопольского Патриарха в церковную жизнь Украины.*

«Константинопольский Патриарх оставил за собой немало рычагов влияния на внутреннюю жизнь ПЦУ»

– Владыко, недавно в Киевской духовной академии прошла конференция,

посвященная 30-летию дарования Грамоты Алексия II о независимости и самостоятельности Украинской Православной Церкви. Изложите суть Вашего доклада.

– Да, недавно состоялась конференция, приуроченная к 30-летию дарования Патриархом Алексием II благословенной Грамоты о самостоятельности Украинской Православной Церкви. Этот юбилей послужил поводом для осмысления многих вопросов, касающихся церковной ситуации в Украине. В докладе я попытался показать: Украинская Православная Церковь хотя и не обладает статусом автокефалии, тем не менее вполне самостоятельна в своем внутреннем управлении и независима в принятии решений.

Например, важным признаком автокефальной Церкви является самостоятельное избрание и рукоположение ею своих архиереев. В Украинской Православной Церкви именно так и обстоит дело: у нас полностью самостоятельное избрание и рукоположение епископов. Предстоятель УПЦ избирается без стороннего участия, и Патриарх Московский лишь благословляет (а не утверждает) его избрание. При этом ПЦУ хотя и именуется автокефальной, однако Константинопольский Патриарх оставил за собой немало рычагов влияния на внутреннюю жизнь ПЦУ. Вполне очевидно, что для Константинополя вопрос украинской автокефалии – это лишь разменная карта в гораздо более масштабной игре по формированию новой экклесиологии, согласно которой Патриарх Константинополя имеет особый статус, права и полномочия в мировом Православии.

– Вы сказали о новой экклесиологии Константинополя. Можно подробнее об этом?

– Представители Константинопольского Патриархата сегодня руководствуются учением об особом статусе и правах Константинопольского Патриарха. Среди приверженцев этого учения можно назвать, например, митрополита Иоанна Зизиуласа и архиепископа Елпидофора (Ламбриниадиса). Сторонники этой концепции церковное учение о первенстве чести трансформируют в учение о первенстве власти, которым якобы обладает Константинопольский Патриарх.

Вышеуказанные авторы и ряд других предприняли попытки догматического обоснования этого учения.

«Полномочия епископа Константинополя были связаны с политическим значением Константинополя как столицы»

– Разве в Древней Церкви Константинопольская кафедра не имела особых полномочий?

– Давайте сначала проясним историю Константинопольской кафедры. Общеизвестно, что Константинополь – столица, построенная императором Константином Великим. То есть этот город появился лишь в IV веке. Историческим предшественником Константинополя на данной территории был город Византий, который в христианской истории первые три века после Рождества Христова ничем не выделялся, кроме того, что из этого города был еретик Феодот Кожевник.

К моменту постройки Константинополя в Церкви существовало несколько апостольских кафедр – Рим, Александрия, Антиохия. Вокруг них и сосредотачивалась церковная жизнь. Появление новой столицы, безусловно, создало основание для определения статуса и полномочий столичного епископа.

Таким образом, контекст, в котором появился вопрос о полномочиях епископа Константинополя, был политическим. Константинопольская кафедра не является апостольской по своему происхождению, и она не имела таких оснований для особого статуса, которые были у древних кафедр, основанных самими апостолами.

– А как же правила Вселенских Соборов? Разве они не дают особый статус Константинополю?

– В этом отношении есть два важных правила. Первое из них – 3-е правило II Вселенского Собора, в котором сказано: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что город оный есть новый Рим». Второе – 28-е правило IV Вселенского Собора, где о Константинополе говорится: «Город, получивший честь быть городом царя и синклита и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен был подобно тому, и будет второй после него». Как видно из этих правил, статус и полномочия епископа Константинополя в древности были связаны с политическим значением Константинополя как новой столицы. Не с древностью кафедры, не с апостольским происхождением и тем более не с Божественным правом, а лишь с тем, что это город царя и сената.

Нужно указать на еще один важный исторический аспект. Перенос столицы из Рима в Константинополь имел большое значение во многих отношениях. Население империи должно было принять новую столицу; если так можно выразиться – поверить в нее. Императоры всячески

пытались возвысить статус новой столицы – грандиозными стройками, собиранием общехристианских святынь и т. д. То есть Константинополь как столица должен был расти. Разумеется, что рост новой столицы означал и одновременное возвышение столичного епископа. Сами императоры способствовали росту авторитета епископов Константинополя.

Еще один немаловажный фактор для понимания 28-го правила Халкидонского Собора. В Древней Церкви были диоцезы, возглавляемые митрополитами. Границы диоцезов, статус и полномочия митрополитов над епископами диоцезов к V веку были уже сложившейся традицией. Область, где находилась новая столица, в церковном отношении издревле подчинялась Ираклийскому митрополиту.

Таким образом, сложилась ситуация, когда есть епископ столицы, при этом у него нет в подчинении своей церковной области. Константинопольские епископы пытались исправить эту ситуацию разными способами, самым действенным из которых было влияние на назначение епископов в соседствующие со столицей церковные области (епархии). Правило Халкидонского Собора дает разрешение такой ситуации тем, что передает в юрисдикцию столичного епископа не только сам город, но и некоторые области.

Исследователи канонов обращали внимание еще на один аспект в понимании 28-го правила. Так, например, архиепископ Петр Люлье пишет: «Выводы относительно юрисдикции изложены довольно неуклюже в форме ограничительного условия, как будто бы целью правила было скорее воспретить епископу, занимающему Константинопольскую кафедру, непосредственно посвящать епископов на не митрополичьи кафедры». Действительно, данное правило не только выделяет Константинопольскому епископу церковную область, но и ограничивает его вмешательство в дела других диоцезов. Именно так понимают это правило и византийские толкователи.

То есть ссылки современных защитников особого статуса Константинопольского Патриарха на 28-е правило Халкидонского Собора вряд ли можно признать состоятельными.

«Китеж-град на греческий манер»

– Владыко, Константинополь был завоеван турками и не является уже городом императора и сената, а епископ Константинополя всё же первый в диптихе...

– Как известно, арабские завоевания привели к тому, что уже в VII–VIII веках такие древние апостольские кафедры, как Александрия, Антиохия, Иерусалим, оказались вне границ православного государства. Участь покоренных Патриархатов была незавидной: христиане сильно урезались в своих правах, а полноценная деятельность епископов зачастую просто не могла осуществляться. При таких условиях Константинополь (который был тогда еще не завоеван)

стал восприниматься не просто как столичный город, а как защитник всех православных христиан. И, соответственно, Константинопольский Патриарх становится единственным свободным православным Патриархом на Востоке.

Именно в это время в полной мере складывается сакральный образ императора не просто как Главы государства, а как покровителя и защитника всех православных, где бы они и под какой властью ни проживали.

Об этом сакральном образе власти очень важно помнить, чтобы правильно понимать дальнейшие претензии Константинопольского Патриарха. Всё дело в том, что после падения Константинополя полномочия византийского императора как защитника и покровителя всех православных (греков) переходят к Константинопольскому Патриарху. И, скажем прямо, развитию подобного положения дел прямо содействовали турецкие султаны. Известно, что Мухаммад II после завоевания Византии определяет статус Константинопольского Патриарха как Главы всех православных христиан, живущих в Османской империи. Таким образом, с подачи султана Константинопольский Патриарх становится лидером греческой нации.

– Так есть ли у Константинопольского Патриарха особые права и полномочия?

– Кроме первенства чести, нет. Константинопольский Патриарх, давно утративший положение первого епископа империи, продолжает формировать учение об особой своей власти. Давайте еще раз вспомним – Константинополя не существует. Есть Стамбул. Греки мифологизировали Константинополь, сделав его этаким Китеж-градом на греческий манер. Константинополь – это город-память, город-миф, город-призрак и город-мечта. Мечта о былом статусе, блеске и величии православной империи. Как говорил один автор: «Греки живут так, как будто бы не слышали о падении Константинополя».

Из-за этого отрыва от реальности Константинопольский Патриархат рассматривает себя в сакральных категориях, придумывая себе какие-то особые полномочия и особую власть. Со стороны критиков претензий Константинополя звучат обвинения в восточном папизме. Позволю себе историческую аналогию с римским папизмом: догматизация учения о безошибочности папы в вопросах веры и морали произошла при Папе Пие IX в исторических условиях утраты папством светской власти и усилившейся секуляризации. Учение о безошибочности Папы как бы защищало ту область, которая являлась привилегией исключительно церковной. То есть при утрате реального влияния и реальной власти всегда формируются какие-то крайности об особых правах и полномочиях в области духовной.

Константинопольский Патриарх в действительности обладает очень немногочисленной паствой,

ограничен в своих возможностях на родине, в Турции. На фоне своего реального статуса и положения Константинопольская Церковь создает, раздувает абстрактные права и полномочия, нарушая при этом традиционную православную экклесиологию в угоду своим претензиям.

Рождение альтернативной экклесиологии

– Что Вы имеете в виду под нарушением традиционной православной экклесиологии?

– Православная экклесиология исходит из первичности евхаристической общины, возглавляемой епископом. В этом смысле все епископы – Патриархи, митрополиты, правящие или викарные епископы, которые могут различаться в части каких-то административных полномочий – равны в отношении обладания духовной властью.

Единая Церковь состоит из Поместных Православных Церквей, объединенных между собой общей православной верой и участием в Таинствах (общением через Таинства). Таким образом, осуществляется принцип равноправия Поместных Православных Церквей, находящихся в непосредственном общении друг с другом в исповедании одной веры и участии в Таинствах.

Константинополь формирует альтернативную экклесиологию, где общение между Поместными Церквями происходит опосредованно через Константинопольского Патриарха. Согласно такому взгляду, только тот пребывает в Православии, кто пребывает в общении с Константинопольским Патриархом. Соответственно, получается, что Православие не может существовать без Константинопольского Патриархата. Слишком самоуверенное заявление, особенно если учесть количество Константинопольских патриархов-еретиков, в том числе осужденных Вселенскими Соборами. В этом отношении Константинополь – лидер среди древних кафедр.

Найти догматическое обоснование такому учению – задача непростая. Потому защитники такого понимания церковного единства пытаются создать богословскую платформу для новой экклесиологии. Я прежде всего имею в виду учение, в котором первенство Константинопольского престола уподобляется первенству Бога Отца в Святой Троице.

– Вы упомянули общение в Таинствах. Однако Украинская Церковь сама выступила инициатором прекращения евхаристического общения с Константинополем…

– Честно сказать, меня потрясает лицемерие, с каким нас обвиняли в этом вопросе, преподнося решение о разрыве Евхаристического общения с Церквями, признавшими ПЦУ, как злодейство невиданных масштабов. Однако греки нередко сами разрывали евхаристическое общение по куда менее важным причинам. Из недавнего прошлого – разрыв евхаристического общения Константинополя с уже покойным Архиепископом Афинским и всея Эллады Христодулом, которое

стало ответом Константинополя на проблему рукоположения епископов для так называемых новых территорий в Греции.

Есть более свежий пример: прекращение Евхаристического общения в 2014 году межу Антиохией и Иерусалимом из-за конфликта вокруг храма в Катаре.

И всё же именно наше решение о прекращении Евхаристического общения вдруг стали преподносить как невиданное до сего дня преступление. И что это, как не двойные стандарты?

– Почему Константинополь проявляет такую заинтересованность в украинском вопросе?

– Константинопольский Патриарх, желающий найти возможность для реализации своих властных амбиций, воспользовался тяжелым церковным кризисом в Украине лишь для того, чтобы утвердить претензии на свое исключительное право предоставлять автокефальный статус Поместным Церквям. Это просто попытка усилить свое влияние за пределами собственной Церкви.

Кто и как может даровать автокефалии?

– У Константинополя есть такое право – давать автокефалии?

– В 1990-х годах для оправдания своих раскольнических действий Филарет (Денисенко) всячески развивал тезис: в независимом государстве должна быть независимая Церковь. Он даже пытался апеллировать к правилам Вселенских Соборов (например, к 17-му правилу IV Вселенского Собора, в котором есть выражение «распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку»). Однако нужно понимать, что каноны Вселенских соборов принимались в империи и не могли быть построены на концепции независимых национальных государств. И если принцип самостоятельного управления проводился, то был связан с административно-территориальным делением империи, а не с идеей государственного суверенитета. Также нужно четко понимать, что о способе и условиях получения автокефального статуса каноны Православной Церкви ничего не говорят, и это дает возможность для различных спекуляций.

Тот же территориальный принцип не в полной мере приложим к автокефальным Поместным Церквям. Возьмем Грецию. Есть Элладская Православная Церковь, но при этом часть епархий на территории Северной Греции находится в юрисдикции Константинополя. То есть если бы полностью реализовался территориальный принцип, то в таком случае, после изменения границ греческого государства, все епархии новых территорий должны были бы автоматически входить в юрисдикцию Элладской Церкви. Но Константинополь в данном случае поступил по-другому,

отстаивая свои интересы.

– Владыко, но всё-таки ведь именно Константинопольский Патриархат давал автокефальный статус той же Элладской Церкви, Сербской, Болгарской, Албанской.

– Возвращаясь к теме, имеет ли право Константинопольский Патриарх в одностороннем порядке предоставлять автокефальный статус Поместным Церквям, отвечу однозначно: не имеет! Для этого нет правил Вселенских Соборов, которые могли бы послужить руководством. А перечисленные Вами примеры вызваны тем положением, о котором говорилось выше: по решению турецкого султана Константинопольский Патриарх был Главой всех православных в Османской империи. Напомню: Болгария, Сербия, Албания и т. д. были завоеваны турками-османами и входили в состав Османской империи. И когда Константинопольский Патриарх давал им автокефалию (в большинстве случаев – с большой неохотой), то мог это делать именно потому, что многие столетия эти земли являлись сферой его деятельности по милости турецкого султана.

Кстати, об Албанской Церкви. Существует переписка между Константинопольским Патриархом Вениамином и Александрийским Патриархом Николаем V по вопросу предоставления Патриархом Вениамином автокефалии Албанской Церкви. Александрийский Патриарх в своем письме прямо говорит, что вопросы автокефалии – это вопросы, выходящие за пределы юрисдикции Константинопольского Патриарха, и они должны решаться на межправославном уровне. Одностороннее решение Константинополя предоставить автокефалию, по мнению Патриарха Николая, подрывало традиционное устройство Православной Церкви.

Патриарх Вениамин ответил в типично константинопольском духе: если Константинопольские Патриархи дали автокефалию в прошлые разы, никого не спрашивая, то значит, и я никого не буду спрашивать, так как мои предшественники никого не спрашивали. По сути, он уклонился от ответов на вопросы своего Александрийского собрата, игнорируя те опасения, которые возникли у Патриарха Николая.

Патриарх Николай V сетовал, что Константинополь просто поставил другие Поместные Церкви перед фактом, потребовав признания происшедшего. Знакомая картина, правда?

Замечу, что Патриарх Николай в принципе не был против автокефалии Албанской Церкви, он возражал против образа действий Константинополя и способа, которым провозглашалась автокефалия.

«Это всё что угодно, только не уврачевание раскола»

– Ситуация с 1686 годом. Имел ли Константинопольский Патриарх право вернуть себе

митрополию в 2018 году?

– Вопрос о 1686 годе наделал много шума. Конечно, это вопрос очень сложный и требует дополнительного изучения. Но Константинополь не предъявлял никаких претензий в течение более 300 лет. А теперь вдруг в одностороннем порядке принял решение. Самое главное в этом процессе, что Константинопольский Патриархат действует очень закрыто: никакой открытой дискуссии, никакого участия представителей других Поместных Церквей. Всё обошлось просто коротким пресс-релизом.

Не понимаю, как люди, которые так много говорят о европейских ценностях и свободе, игнорируют тот факт, что Константинопольский Патриарх действует в духе средневековом. А в украинском случае всё происходило при поддержке украинской государственной власти, что является вопиющим примером нарушения принципа светскости государства.

– Владыко, Константинополь оправдывал свои действия желанием уврачевать раскол. Что скажете по этому поводу?

– Вмешательство и даже экспансия на чужую территорию под видом помощи – старый политический трюк. Если Константинополь так переживает о расколах, пусть сначала излечит движение старостильников, которое возникло как реакция на деятельность Константинополя и существует до сего дня.

К тому же какой странный способ излечить раскол – объявить раскол нерасколом. Назвать черное белым – это и есть решение проблемы? Это всё что угодно, только не уврачевание раскола. Это преступление нравственного и канонического характера.

– Владыко, но ведь многие Поместные Церкви, перед тем как получить статус автокефалии, тоже считались пребывающими в расколе? Например, Болгарская Церковь.

– Давайте проясним вопрос. Когда речь идет о даровании автокефального статуса Болгарской Церкви, нужно понимать, что эта Церковь требовала не столько предоставления автокефального статуса, сколько возобновления. Болгарская Церковь обладала автокефальным статусом, который был утрачен в результате турецкого завоевания.

И еще важно понимать, что в истории Церкви до случая с Украиной не было примера, чтобы раскольники просто объявлялись нераскольниками и этого было бы достаточно.

Все канонические правила, касающиеся уврачевания раскола, говорят о том, что раскольники могут быть приняты в Церковь только после покаяния, причем каноны предписывают письменное покаяние. Кроме того, никогда не случалось такого, чтобы раскольническое сообщество объявлялось канонической Церковью в ущерб уже существующей канонической Церкви. Такого не было ни в одном из случаев уврачевания раскола или предоставления статуса автокефалии. В отношении Болгарской Церкви – вся Болгарская Церковь считалась
Константинополем пребывающей в расколе, и когда в 1945 году речь шла о преодолении конфликта, то вся Болгарская Церковь принимала в этом участие. Не было такого, чтобы в Болгарии существовала каноническая Церковь и параллельно с ней раскольническое сообщество, и вдруг раскольники признаются канонической структурой при игнорировании уже существующей канонической Церкви.

– Украинские раскольники принимались Константинополем через покаяние?

– Насколько известно, нет. Никто ни в чем, а особенно в учинении раскола, не каялся. И это очень странно, так как противоречит предписаниям Соборов о процедуре принятия из раскола. Константинополь мог принимать без покаяния только при одном условии: если перестал рассматривать Киевский Патриархат и УАПЦ как расколы. Такое со стороны Константинополя вполне могло быть. Но тогда возникает закономерный вопрос: как же расценивать то, что 30 лет до этого тот же Патриарх Варфоломей считал эти организации раскольническими? Есть масса письменных свидетельств того, что Константинопольский Патриарх считал и УПЦ КП, и УАПЦ раскольническими структурами. Кстати, будет уместным вспомнить о якобы существующем, согласно правилам 9-му и 17-му IV Вселенского Собора, праве Константинопольского Патриарха принимать апелляции от всего Православного мира.

В этих правилах об апелляции сказано, что можно обращаться или «к экзарху велики области» (то есть к главе диоцеза), или «к престолу царствующего Константинополя» (опять же вспомним о возможностях столичного епископа имперского времени). Если предполагается возможность обратиться или туда, или туда, очевидно, что полномочия крайнего судьи не принадлежат исключительно Патриарху Константинополя.

То, что было дано как возможность, превращается Константинопольским Патриархатом как право и привилегия. Толкователи этих канонов однозначно говорят о конкретной территории, где Константинопольский Патриарх имеет право принимать апелляции. Так, Иоанн Зонара пишет: «…Не над всеми без исключения митрополитами Константинопольский Патриарх поставляется судьей, а только над подчиненными ему. Ибо он не может привлечь к своему суду митрополитов Сирии, или Палестины и Фяникии, или Египта против их воли; но митрополиты Сирии подлежат суду Антиохийского Патриарха, а палестинские – суду Патриарха Иерусалимского, а египетские

должны судиться у Патриарха Александрийского». Большой комментарий к этому правилу составил Никодим Святогорец: «желая почтить Константинопольского Предстоятеля, дошли до чрезмерностей... Константинопольский Предстоятель не имеет права действовать в диоцезах и областях других Патриархов, и это правило не дало ему права принимать апелляции по любому делу во Вселенской Церкви».

Кстати, в подтверждение своих слов о том, что Константинопольский Патриарх рассматривал вышеозначенные организации именно как расколы, свидетельствует тот факт, что тех, кто желал перейти, например, из УПЦ КП в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, принимали через рукоположение, так как не признавали хиротоний, совершенных в расколе. Мне лично доподлинно известны такие случаи, имевшие место, например, в Испанской и Португальской митрополии Константинопольского Патриархата. А теперь мы видим совершенно иное…

Такое радикальное изменение взгляда Патриарха Варфоломея на украинских раскольников говорит, к сожалению, лишь о его неискренности и лицемерности. Таким образом, для оправданий своих претензий на особые полномочия в мировом Православии Константинопольский Патриарх не брезгует никакими средствами и никакими теориями. Другое объяснение, увы, едва ли возможно…

Хиротония, миропомазание или благословение с молитвой?

– Владыко, а как быть с признанием хиротоний, совершенных в Киевском Патриархате и в УАПЦ? Ведь Константинопольская Церковь не совершала над ними новых хиротоний?

– Как уже было сказано, процесс подготовки к созданию ПЦУ был со стороны Константинопольского Патриарха абсолютно непрозрачным. В октябре 2018 года опубликовали лишь краткое коммюнике решений Синода Константинопольской Церкви, в котором буквально одной строкой говорилось о принятии в общение Филарета (Денисенко) и Макария (Малетича) вместе с их структурами. На каких канонических основаниях это было сделано? Рассматривался ли в Стамбуле вопрос о законности хиротоний, совершенных в расколе? На эти и многие другие важнейшие вопросы мы ответов не получили до сих пор.

Принимая столь важные решения, было бы логично провести тщательное и максимально открытое изучение этого вопроса с привлечением экспертов из Украины. Но ничего этого, судя по всему, не проводилось. Константинопольский Патриархат лишь заявил об отмене всех церковно-судебных решений, принятых ранее по отношению к раскольникам, и принял их всех в общение без совершения над ними законных хиротоний. Я хочу специально подчеркнуть, что речь идет не о повторных хиротониях, как у нас обычно выражаются, а о совершении законных хиротоний. Ибо

хиротонии, совершенные в расколе, не являются законными.

Фактически на Фанаре просто признали все таинства, совершенные ранее в расколе. При этом Константинопольский Патриархат заявил, что это якобы соответствует канонам и является древней церковной практикой, хотя совсем недавно тот же Патриархат придерживался радикально другой позиции и рассматривал вышеозначенные организации именно как расколы.

Замечу, что свои недоумения по этому поводу выразил, например, Предстоятель Албанской Православной Церкви архиепископ Анастасий в своих письмах Патриарху Варфоломею.

В качестве обоснования своих решений Константинопольский Патриархат указал на брошюрку митрополита Смирнского Василия. В ней рассматриваются некоторые каноны и исторические прецеденты. Также появились и другие публикации на тему признания хиротоний, совершенных в раскольнических обществах.

На самом деле ситуация не так однозначна, как ее пытаются представить защитники принятых Константинополем решений. Например, здесь совершенно неуместна ссылка на 68-е апостольское правило, в котором есть выражение «Если кто епископ, или пресвитер, или диакон, приемлет от кого-либо второе рукоположение: да будет извержен от священного чина и он, и рукоположивший». Во-первых, это правило вообще не о раскольниках! По объяснению византийских толкователей, это правило говорит о случаях, когда кто-то хочет повторной хиротонии, потому что гнушается рукоположившим его епископом. Например, кто-то рукоположен в сан иерея, а потом узнал, что рукоположивший его епископ ведет недостойную жизнь, и на этом основании хочет принять хиротонию в тот же сан, но уже от другого архиерея. Вот именно такую практику осуждает это правило.

Во-вторых, у этого правила есть вторая часть, которую защитники раскола не цитируют (чему я не удивляюсь). И звучит она следующим образом: «Разве если достоверно известно будет, что от еретиков имеет рукоположение. Ибо крещеным или рукоположенным от таковых ни верными, ни служителями церкви быть невозможно». Как видим, это правило предполагает, что могут быть и незаконные хиротонии (равно как и крещения). Таким образом, это правило свидетельствует, что всё же древняя Церковь полагала: есть хиротонии законные и незаконные, действительные и недействительные. В этом правиле прямо сказано о недействительности еретических хиротоний. А что же говорят каноны о хиротониях раскольников? Самое важное правило в этом отношении – это 8-е правило I Вселенского Собора, которое касается новациан. В нем есть слова, касающиеся принятия в клир тех, кто получил хиротонию в расколе: «По возложении на них рук пребывают они в клире». Данное выражение не имело в Церкви однозначного понимания.

Например, святитель Тарасий Константинопольский, используя это правило по отношению к епископам-иконоборцам, считал, что под этим выражением нужно понимать благословение с молитвой и возложением рук. Что-то подобное разрешительной молитве на исповеди. Такого же мнения придерживался епископ Никодим (Милаш). Византийский толкователь канонов Аристин считает, что это указание на миропомазание (возложение рук – древнейшая форма этого Таинства), а архиепископ Феофил Александрийский видит в этом выражении хиротонию (об этом говорит его 12-е правило). Как бы то ни было, даже при отсутствии единого понимания этих слов ясно видно, что клирик, желающий из раскола присоединиться к Церкви, должен пройти процедуру с возложением рук. В этой процедуре можно видеть либо хиротонию, либо аналог миропомазания, либо особое благословение с молитвой.

В целом в канонических правилах есть очевидная тенденция рассматривать как недействительные хиротонии, совершенные с нарушением действующих норм. Следует в этой связи также обратить внимание на правило против Максима Циника (4-е правило II Вселенского Собора). Также Никодим Святогорец в «Пидалионе», упоминая случай с хиротонией святителя Мелетия Антиохийского, пишет: «…Многие другие приняли рукоположение от еретиков и впоследствии были приняты православными, но это случаи редкие и вызванные обстоятельствами, отступающие от канонической акривии, а для Церкви то, что происходит по особым обстоятельствам и редко, не закон…».

Сам Константинопольский Патриархат долгое время считал иерархию Киевского Патриархата незаконной. Но если это так, то принятие в общение епископов УПЦ КП могло состояться только одним из вышеперечисленных способов. Однако в случае с УПЦ КП и УАПЦ Константинополь не произвел ни одного из этих действий! Таким образом, была полностью проигнорирована церковная традиция.

– Владыко, каким же может быть выход из сложившейся ситуации?

– Мы должны сейчас ясно осознать, что действия Константинопольского Патриарха в Украине породили кризис во всем мировом Православии. Причем кризис достаточно глубокий. Мы сталкиваемся с целым комплексом непростых богословских и канонических вопросов. Казалось бы, это должно было вызвать серьезную богословскую дискуссию между Поместными Церквами. Но пока что мы ее не видим. Я убежден, что все эти вопросы нельзя игнорировать. Не нужно делать вид, что речь идет исключительно об административных или даже политических вопросах. Увы, нет. Речь идет о принципиально разных взглядах на устройство Церкви, на природу церковного первенства.

Потому полагаю, что сегодня необходимо соборное обсуждение этих вопросов на

всеправославном уровне. Мы стоим перед серьезным вызовом. Нам необходимо ясно сформулировать учение о Церкви, которое бы опиралось на многовековую традицию и в то же время учитывало современные реалии церковной жизни.

Беседовала Наталья Горошкова

Источник: https://mospat.ru/ru/news/59532/